

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

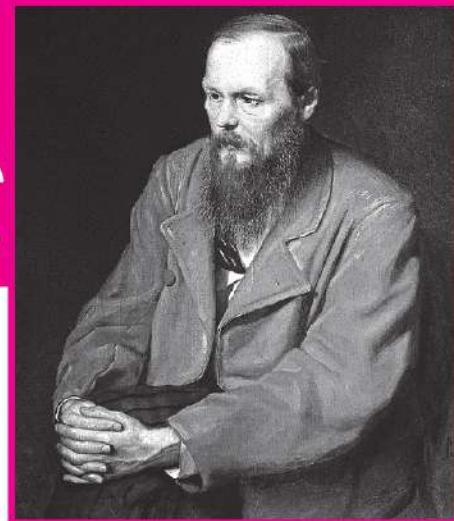
стр. 8-10

ДОСТОЕВСКИЙ – МИФЫ И ПРАВДА

стр. 14-16

НЕИЗВЕСТНОЕ ВОССТАНИЕ

Бульварные новости

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№45 (74)
НОЯБРЬ 2021

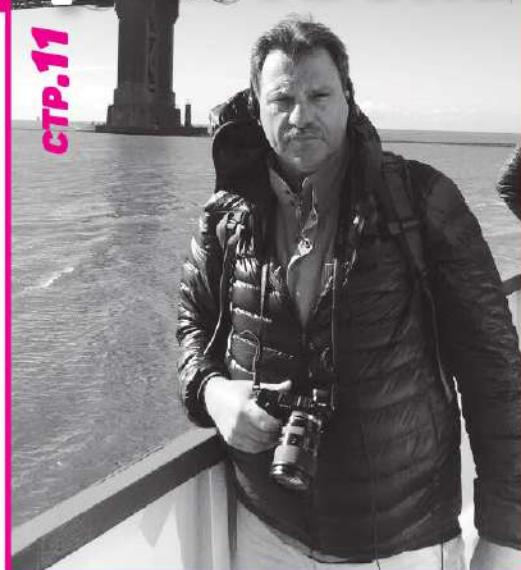

Гран-при Премии
«ПРОСТАКИ
ЗА ГРАНИЦЕЙ»
имени Марка Твена

«НЕЗРИМЫЙ БОЙ»
ЗВУЧИТ УЖЕ
ПОЛВЕКА

стр. 6-7

стр. 11

Геннадий Норд

В ноябре 1975 года по Калининграду ползли слухи о восстании на одном из кораблей Балтийского флота. Говорили, что какой-то командир захватил корабль и пытался унать его в Швецию, говорили, что корабль разбомбили, говорили, что экипаж расстреляли. Мы, тогда студенты, горячо обсуждали это событие. Но информации не было никакой. Так, слухи, слухи, слухи...

...Почти сорок шесть лет назад часть экипажа большого противолодочного корабля «Сторожевой» под руководством капитана 3-го ранга Валерия Саблина подняла мятеж. Обивив верхушку КПСС и советское правительство в измене принципам революции, Саблин хотел добиться перемен, которые улучшили бы жизнь людей. Он потребовал дать ему выступить на телевидении, чтобы изложить свою программу. Из опасений, что корабль может уйти в Швецию, был отдан приказ остановить «Сторожевую», а в случае необходимости — потопить его. После атаки с воздуха группа матросов освободила ранее запертого на нижней палубе командира корабля. Бунт был подавлен. Саблина признали виновным в измене Родине и расстреляли. Вместе с ним был осужден на восемь лет только один человек — матрос Александр Шеин.

Александр Николаевич рассказал о восстании, информация о котором долгие годы была засекречена.

— Александр Николаевич, как складывалась ваша жизнь до восстания на «Сторожевом»?

— Я родился на Алтае, в Рубцовске, в 1955 году. Когда мне было шестнадцать лет, мы переехали в Тольятти. В 1973 году пошёл в армию. Перед этим был неприятный эпизод: поймали на хищении с АвтоВАЗа, где я тогда работал.

— Как так вышло?

— Тогда все таскали с завода автозапчасти. У меня была компания парней постарше, и меня попросили там вынести кое-что. Ну, вот поймали. Пока шло следствие, меня забрали в армию, и повестка в суд пришла уже туда. Командир части вызвал меня, мы поговорили, я сказал, что отпускать меня нежелательно, тонко посадили бы. В итоге он пошёл навстречу, на суд я не поехал и получил по приговору год условно.

— Вас призвали на флот весной 1973-го — тогда срочную службу там проходили три года. Вы помните момент, когда впервые увидели Валерия Саблина?

— Да, как раз наша первая встреча хорошо врезалась в память. После учёбы меня распределили в Балтийск Калининградской области служить на «Сторожевом». На АвтоВАЗе я работал в вычислительном центре, у меня были редкак на флоте квалификация специалиста вычислительной техники, и мне дали мичманскую должность. При распределении зашёл офицер, капитан 3-го ранга — как оказалось, наш замполит. Это и был Валерий Саблин.

Я прекрасно помню свои первые ощущения: он посмотрел на меня, и него во взгляде столько света было, что я ни разу в жизни потом не встречал, чтобы у человека так по-доброму светились глаза. Я тогда почувствовал: он очень порядочный человек. Подумалось, если такие офицеры есть на корабле, значит, всё будет нормально.

Капитан 3-го ранга Валерий Саблин

Капитан 3-го ранга Валерий Саблин

тому же после него «Сторожевой» должен был идти на ремонт. Я сидел в каютке, тут раздаётся звонок. Саблин попросил к нему зайти поговорить. Я был уверен, что он хочет обсудить что-то по поводу предстоящего праздника и стендгазеты. Поднялся к нему, он предложил присесть и говорит: «У меня к тебе просьба. На корабле ходят много всяких разговоров про политику и вообще, не мог бы мне докладывать о них?» Ну, то есть предложил стучать на сослуживцев.

Я отшёл от такого предложения. После двух лет службы он вроде должен уже был знать, что я на такое никогда не пойду. Я собрался было уходить, но тут он попросил подождать и признался, что это была просто небольшая проверка.

— То есть он не просто так вызвал именно вас? Он думал, что вы если и не поддержите, то, по крайней мере, его не сдадите. Но на всякий случай решил ещё раз проверить?

— Да. Я сел, и он стал говорить. Он рассказал про то, что родился в семье военного, про своё детство, школу, как семья его жила, про веру в партию и правительство. Говорил про учёбу в училище, службу, отмечая эпизоды, когда встречались какие-то несправедливости. Рассказал, что после

НЕИЗВЕСТНОЕ ВОССТАНИЕ

СК «Сторожевой» 6 ноября 1975 года

Саблин в целом был очень обаятельный от природы и располагал к себе.

— Как складывалась служба на «Сторожевом»?

— Хорошо. Я с юности мечтал о море, и всё это было очень интересно. У нас были заграничные походы. Помню, что первым был дружественный визит на празднование 25-летия ГДР.

— На берег сходить разрешалось?

— Гулять можно было только пятерками в сопровождении мичмана, по одному не выпускали. Такие групповые культивации. Потом был дальний поход: сначала в район Гибралтара, там месяц продлнули. И переход через Атлантику на Кубу. Это был где-то март 1975 года. Там мы провели месяцы.

— Вы на «Сторожевом» исполняли несколько функций: были киномехаником, библиотекарем и даже, если не ошибаюсь, заведовали ленинской комнатой.

— На самом деле основной моей задачей на судне была работа художника. Я до армии немного рисовал. Корабль же только вышел с завода, никакого оформления не было, никаких стендов с политинформацией. И я в итоге оформлял весь корабль.

— Раз вы отвечали за стендгазеты, да ещё и с политинформацией, наверняка не раз лично общались с Саблиным до восстания?

— Близко мы не общались, я работал в основном по ночам, когда он спал. Разговоры были служебные. Единственное, я просил его освободить меня от необходимости ходить на различные построения, смотры,

учения, потому что это было постоянно, и тут либо работать, либо бегать. Он согласился и сделал так, чтобы меня не дёргали лишний раз.

— Как я понимаю, выступление Саблина стало полной неожиданностью для экипажа, и до этого он никак не выдавал своих взглядов?

— Ну, если он, как оказалось, даже от своей семьи всё скрывал, то от нас и подавно.

— Но именно вас он первым посвятил в свой план. Расскажите, при каких обстоятельствах это произошло?

— Это было 5 ноября. За день до этого нам сообщили, что мы идём на морской парад в честь 7 ноября в Ригу. Кстати, почти всё вооружение с корабля было выгружено на берег. Так делалось перед парадами, к

того, как с отличием окончил училище, он сам попросился на Северный флот. Рассказал о письме Хрущёву, в котором писал о том, что после войны в партию попало много нечестных и непорядочных людей, которые не понимают, что такое марксизм, коммунизм и вообще весьма далеки от этих понятий.

— Кажется, ничем хорошим для него это тогда не кончилось.

— Да, его вызывали в политотдел и напихали мол, что ты тут пишешь такое, будто без тебя там не разберутся. Задержали присвоение очередного звания. Саблин продолжал служить, но, чтобы самому во всём разобраться, он, по его словам, решил поступить в Военно-политическую академию имени Ленина, которую также с отличием

Валерий Саблин с женой и сыном

окончил в 1973 году. Как раз после этого он получил распределение в Балтийск замполитом на «Сторожевой». Саблин рассказывал, что, уже учась на последних курсах академии, он пришёл к мысли, что нужно что-то менять в стране, и не просто говорить об этом, а действовать.

— И для этого решил захватить военный корабль?

— Он хотел использовать его в качестве своеобразной трибуны, добившись доступа к телевидению, чтобы донести до широких масс свою программу. Саблина возмущало двуличие существовавшей системы, когда слова сильно расходились с реальностью, он был против разросшегося и неэффективного партийного аппарата, считая, что он-то как раз и мешает людям нормально жить.

— Его план кажется невероятно наивным. Неужели он искренно верил в успех и не понимал, что его задумка обречена на провал?

— Сейчас об этом можно только гадать. Мне кажется, свой истинный замысел Саблин до конца так никому и не рассказал.

— Понятно. Официальную версию советских властей о якобы имевшемся месте попытки сбежать в Швецию всерьёз уже не рассматривают, хотя до неё «Сторожевому» и, правда, оставилось чуть-чуть. Вы думаете, он действительно был таким коммунистом-идеалистом?

— Я думаю, что если бы он тогда декларировал нам какие-то иные цели — сбежать на Запад или призывал бы к какому-то капитализму, то совершиенно точно никто из экипажа за них бы не пошёл.

Тогда мне казалось всё довольно ясным. Что тут такого подняться, выступить? Жизнь тогда ведь действительно многими задолбала. То есть материально было в принципе неплохо, но была везде тотальная показуха, лицемerie, разгильдяйство.

— А что конкретно предложил Саблин в ходе вашей беседы, о чём вы с ним договорились?

— Он озвучил свой план. Он хотел собрать личный состав на просмотр фильма «Броненосец Потёмкин». Сам выбрал именно этот фильм для показа, чтобы создать у матросов революционное настроение.

А офицеров и мичманов он хотел собрать в отдельной каюте на собрание и сделать там заявление. Он попросил меня подготовить первый пост у акустиков, куда планировалось изолировать капитана «Сторожевого» Анатолия Потулыного. Саблин заранее купил шесть навесных замков, чтобы закрывать каюты с изолированной частью экипажа, и выдал мне один из них.

— Он был готов, что капитан судна и часть команды его не поддержат?

— Да, он признался, что вообще на офицеров рассчитывает мало и больше надеется на матросов, потому что им терять особо нечего. У офицеров же семьи, карьеры, и он понимал, что они его вряд ли поддержат.

— То есть, когда Саблин изложил свои намерения, сомнений, поддержать его или нет, у вас не было?

— Конечно, нет. В тот момент я был очень сильно потрясён его словами. Я совершенно не ожидал услышать нечто подобное. Когда вышел от него, меня увидел приятель Миша Буров и спросил, что со мной случилось. Хотя Саблин просил меня держать всё в тайне, но Мишке я рассказал. Он тоже был потрясён, сказал, что первый раз в жизни встречает человека, который готов на какие-то поступки.

— Почему Саблин не хотел, чтобы ещё кто-то знал? Захватить вдвоём огромный корабль с экипажем почти в 200 человек это очень самоуверенно.

— Он не хотел никого больше посыпать, потому что не хотел, чтобы его потом обвинили в измене Родине, то есть чтобы не было какого-то предварительного заговора.

— Но вы не прислушались и поделились планами не только с Буровым?

— Так как я крутился среди матросов, то знал их настроения. В основной массе всем было до лампочки, и мне казалось, что для надёжности нужно как-то дополнительно подготовиться. По своей инициативе в разговоре с ребятами, с которыми я плотно общался, с такими же старослужащими, которые в случае чего могли бы воспользоваться своим авторитетом, я изложил этот план.

— Вечером 8 ноября Саблин под надменным предлогом увлёк Потулыного к акустикам и смог его заблокировать. В

Большой противолодочный корабль «Сторожевой» в 1975 году

помещении капитана ждала записка, в которой Саблин объяснял, что происходит. Значит, поначалу всё шло по плану. **А что он поручил вам?**

— Охранять капитана. Саблин дал мне письмо дежурному офицера без патронов. Сказал, чтобы поугрожал, если что.

— Как прошли собрания с личным составом?

объявить корабль свободной, неподконтрольной СССР территорией и отправить соответствующее письмо в ООН. Конечный план был дойти до Ленинграда и встать на якорь у моста имени лейтенанта Шмидта. Сейчас он называется Благоевщенский. Так сказал Саблин, а что на самом деле в голове у него было, судить трудно.

— Я поднялся к Саблину на капитанский мостик, сказал ему, что матросы хотят открыть комендант. Он сказал, что сейчас спустится. Но умирать ведь никто не хотел, и к этому времени Потулыного уже освободили. Вооружившись пистолетом, он направился к Саблину. Самого момента, как Потулыный его задерживал, я не видел, меня уже закрыли на одном из постов, поэтому обстоятельства того, как он Саблину прорвался ногу, не знаю.

— Получается, переломным моментом стал страх членов экипажа, которые с началом атаки вдруг осознали, что корабль могут потопить?

— Тут было несколько факторов. Ещё до самолётов нас догнали пограничные катера. По громкой связи с них требовали немедленно остановиться, говорили, что есть приказ потопить нас. Саблин в ответ объяснял, что хочет лишь обратиться к людям, добиться изменения внутри страны. Вообще, мы изначально не особо верили, что свои будут по нам стрелять, но когда прилетели самолёты...

Корабль в итоге оставил сам Потулыный после ареста Саблина. Когда меня уже арестовали, я слышал все эти взрывы бомб и снарядов, которые продолжали сыпаться на нас. Помню, подумал тогда, что мы идём ко дну, и гадал, откроют меня или оставят умирать взаперти. Не очень приятный был момент.

— Военные лётчики долго не могли обнаружить вас, затем по ошибке едва не потопили советский сухогруз. Когда самолёты вас обнаружили, кто говорит, что бомбы попали в «Сторожевой», кто говорит, что Саблину с помощью манёвров удалось от них уклониться. Как это помните вы?

— Когда нас вывозили и пересаживали на катер, я видел много пробин в корпусе, в том числе довольно крупных, но из экипажа никто не пострадал.

— Куда вас доставили после задержки?

— Были задержаны человек двадцать, включая всех офицеров, которые поддержали план Саблина, и ряд матросов. Нас на катере отвезли в казарму где-то в Риге, а корабль отбуксировали. Команду полностью расформировали, а «Сторожевой» передислоцировали на Дальний Восток. Нас с Саблиным отправили в Москву, в СИЗО КГБ «Лебяжово».

— На вас в ходе следствия оказывалось физическое воздействие?

— Я не знаю, может, кого были, но меня никто не трогал. Я особо ничего не скрывал, несколько эпизодов с Саблиным немножко сладки, но никаких разногласий в наших показаниях не возникло.

— Саблин брал всю вину на себя?

— Да, он вёл себя достойно.

— Получается, что все, кроме вас, от него отреагировали, поэтому вы один и пошли с ним под суд?

— Там было немножко иначе. Когда предъявили заключительное обвинение, меня вызвал мой следователь. Он сказал, чтобы я сейчас не спешил и хорошо подумал. Я, естественно, не признавал вину в госизмене, а тут он показывал мне показания Саблина. Причём не всё, часть закрывалась. Из того, что я прочёл, следовало, что Саблин признавался, что нарушил присягу, не выполнил приказ, поднял корабль и так далее.

Александр Шеин с сослуживцами

— На собрании мичманов и офицеров Саблин изложил свою программу, план действий. Там он дал возможность им тайно проголосовать: участвовать в его выступлении или отказаться. Никого насилию не принуждали ни к чему. Голосовали фишками сашек: один цвет — за, другой — против.

— Как прошло голосование?

— Поначалу большинство было за него, особенно мичманы. Ну и часть офицеров тоже его поддержали тогда. Несогласных изолировали, как капитана. Потом он собрал весь личный состав и выступил примерно с той же речью уже перед ним.

— Расчёт Саблина на матросов оправдался?

— Да, почти все они его поддержали. Я думаю, тут оказалось определённое чувство сопричастности к чему-то большому, знаковому. Все же хотели изменений к лучшему, а ни к чему другому Саблин, в общем-то, и не призывал. После его речи у всех была без преувеличения настоящая эйфория. Но в это пошло не по плану, после того как с судна сбежал механик Фирсов. Мы находились на рейде в реке Даугава. Он по канатам смог перебраться на якорную бочку, а оттуда на стоявшую рядом подводную лодку. Там он сообщил о захвате, но никто ему не поверил, подумали, что сумасшедший. И он тогда в холодной воде поплыл к берегу.

— Если бы не это бегство, то какой план был изначально?

— Саблин хотел утром 9 ноября выйти в море и добраться до нейтральных вод, сбросили бомбы...

— Насколько я знаю, Саблин был поклонником лейтенанта Шмидта, поднявшегося в 1905 году в ходе Севастопольского восстания мятежника крейсером «Чаков».

— Да, для него Шмидт был настоящим героем, и это был именно символический жест. Ну, и чтобы была некая аналогия с крейсером «Аврора».

— Вы тогда считали его требования выполнимыми? Всё-таки доступ к телевидению со своей политической программой в такой закрытой стране, как СССР, где линия партии не предполагала никаких отклонений, был очень серьёзным требованием.

— Мне, наоборот, казалось, что достаточно какого-то импульса, и без кровопролития можно что-то изменить. Тогда же о том, о чём заявлял Саблин, говорили все на кухнях. Все видели, что политбюро это прогнило. В народе, как я вспоминаю, было именно такое ощущение. Мне кажется, в то время ещё можно было мирно в стране провести политические преобразования.

— После того как сбежавший механик доложил о случившемся, планы Саблина оказались скомканы. Пришлось глубокой ночью маневрировать и спешно выходить в море, пока была такая возможность. По тревоге подняли 668-й бомбардировочный авиаполк, сторожевые и пограничные корабли. Командование опасалось, что Саблин уйдёт в Швецию, и собирались установить его любой ценой. В итоге на «Сторожевой»

Окончание. Начало на с. 8-9

А дальше, в закрытой следователем части показаний, как я позже выяснил, знакомясь с материалами дела, было сказано, что он не признаёт свою вину в измене Родине.

— Но тогда вы этого знать не могли.

— Ну да. Когда я прочитал, что он в том признаёт вину, в этом, то я подумал: раз уж сам Саблин даёт отмашку назад, чего я-то буду? В итоге признал себя виновным. Как только я это сделал, буквально через деньги всех остальных задержанных освободили. Кроме меня. И вот так я как бы стал пособником изменника Родины.

— Не жалеете, что подписали признание?

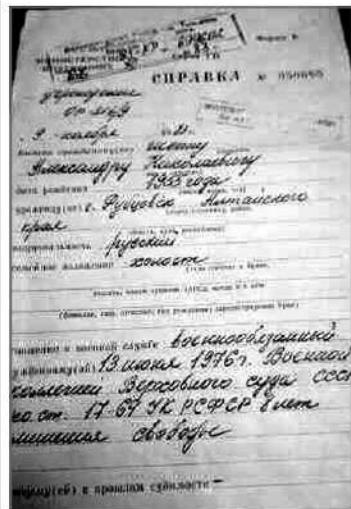
— Если бы я не подписал тогда, то, думаю, меня вполне могли расстрелять вместе с ним. Потому что на тот момент только я и Саблин не признавали себя виновными. Остальные признали вину. Я думаю, что если бы я и дальше упорствовал, то они из этой группы выбрали бы для суда ещё человека пять, которые бы на суде показали, что мы с Саблиным изменники, всё организовали, и тогда я бы уже пошёл не как пособник, а наравне с ним. Кстати, сам он думал, что в худшем случае получит лет пятнадцать.

— А вы с ним это обсуждали?

— Ещё при первом разговоре он сказал, что в случае чего ему по закону должны дать только за нарушения воинской присяги. Потому что он же не шпион, не собирается бежать за границу. Поэтому, по его словам, он и не хотел, чтобы всё выглядело как заговор. Я думаю, он до конца верил, что его осудят только за то, в чём он признал вину. Но надеяться это одно, а как там получилось...

— Помните, как проходил судебный процесс?

— Он длился недолго в июле 1976 года. Судили нас в Военной коллегии ВС СССР, пять заседаний. Естественно, всё было полностью закрыто, никаких родственников и посторонних, только свидетели — члены экипажа. На суде Саблин неожиданно полностью признал вину. Я не берусь судить, что на него повлияло, просто не знаю. Даже следователи не воспринимали всерьёз эти обвинения в измене: он был выпускник-отличник, имел награды, вся жизнь связана с флотом. В конце концов, хотели бы скажать куда-то или угнать судно, это было бы много проще на той же Кубе сделать.

Справка Александра Шеина об освобождении из мест лишения свободы

— Помните день вынесения приговора?

— Конечно. Судья очень долго находился в совещательной комнате. По гнетущей обстановке я сразу понял, каков будет результат. Мы не сидели, как сейчас, в «аквариумах», а находились как бы в зале, и не успели судьи зачитать сам приговор, Саблина надели наручники сзади.

Когда прозвучал приговор, он сильно побледнел, и конвойные подхватили его под руки. Меня тут же увели и закрыли в боксе. Через стекну я слышал стоны и мычания Саблина. Позже я узнал, что в таких случаях им надевают на рот повязку, чтобы они ничего не могли сказать.

— Перед Саблиным суд вынес приговор вам?

Александр Шеин с семьёй перед армией

— Да, мне зачитали первому, дали восемь лет за измену Родине в форме пособничества.

— А вам после ареста дали возможность хотя бы с родными увидеться?

— В ходе следствия никаких свиданий не давали, а вот после суда Саблину разрешили увидеться с женой, но и мне с матерью. Меня предупредили, что я ничего не должен рассказывать о деле, и все свидания происходили в присутствии ещё одного следователя.

— Как и где вы отбывали срок?

— Мне дали два года тюремы и остальной срок в колонии строгого режима.

— Чем занимались в заключении?

— Я просил дать мне какую-то работу, и меня определили в библиотеку, я перепечатывал книги. Библиотека была очень богатая, было много конфискованных ещё в сталинское время книг, попадались экземпляры из личных библиотек. В этот период прочитал очень много, больше, чем за всю свою жизнь.

После окончания двухлетнего срока меня вызвали к начальнику тюрьмы, и он сказал, что есть предложение оставить меня в «Лефортово», перевезти в хозобслуживание. Я понял, что они хотели таким образом оставить меня под присмотром, чтобы дальше этих стен моя история никуда не расходилась. Мне поставили чёткое условие: чтобы я не говорил никому, за что сижу, ведь восстание на «Сторожевом» долгие годы было нагло засекречено. Я подумал, что если буду упорствовать, то они меня загонят куда-нибудь за Москву, откуда не вернёшься, поэтому надо соглашаться. Я не спорил и не упирался. Режим был нормальный, чуть более легкий, чем у других. На ночь дверь в камеру не запиралась, и в принципе можно было перемещаться по блоку, был телевизор.

— Сейчас в «Лефортово» сидят люди непростые: террористы, подозреваемые в госизмене, и бывшие крупные чиновники или силовики. А тогда что за люди там были?

— В хозобслуживании были люди случайные в основном. Я сидел в камере с парнем, у которого мать была директором «Детского мира». Что-то украд, посадили и, чтобы как-то ему полегче было, отправили в хозобслуживание.

Что касается персонажей посеребрённее, то видел Степана Затикяна, который в 1977 году устроил теракт в Московском метро. Помню, как его с подельником вели по коридору уже после того, как приговорили к расстрелу. А так особо я ни с кем не общался. Было понимание, что лучше лишний раз не откровенничать. Понятно, что там и стуки были, не хотелось лишних проблем.

Познакомился там с одним художником, завязались приятельские отношения, и он давал уроки рисования.

— Сколько лет вы провели в «Лефортово»?

— Пять с половиной. Стало в какой-то момент тяжело, была депрессия, и я попросил начальника тюрьмы перевести меня в лагерь. Я ему прямо сказал, что уже кра-

— Совершенно верно. При этом, в отличие от номенклатуры, он не хотел ни власти, ни богатства, ни каких-то выгод себе, а мечтал лишь принести пользу своей стране и искал способ изменить её жизнь к лучшему. Это сейчас такое восстание невозможно представить, возможностей сейчас что-то сказать или сделать у людей масса, а тогда Саблин просто не видел других способов добиться своих целей.

— Зная наперёд, как всё обернётся, вы тогда поступили иначе?

— Так же, характер у меня такой. Я был восхищён, что есть люди, которые могут открыто выражать свое мнение. В глубине души, может, и думал о том же самом, но выступить сам так публично боялся. Показуха в стране, в армии была ужасная. Стрельбы, учения — всё для галочки. На корабль приезжал министр обороны, и ему там втирили что-то.

— Если вдруг представить, что страна тогда прислушалась бы к Саблину и внесла какие-то корректировки, как бы это повлияло на дальнейшую судьбу СССР?

— Думаю, мы бы сейчас жили в стране с таким названием. Он же решился на этот поступок, исходя не из каких-то своих собственных представлений. Такие у людей тогда были настроения: все понимали, что нужны перемены какие-то. Я читал в деле показания многих офицеров, с которыми он служил, и никто про него плохо не скажал.

Вы же понимаете, что расстрельный приговор Саблину фактически вынес не суд, а политбюро ЦК КПСС. Руководители страны в худших традициях сталинской эпохи сообща решили, что в ходе мятежа имела место именно измена Родине. Своим голосованием они предопределили его участь. Было такое заседание Политбюро. Приговор Саблину фактически вынесли именно там. На суде все формально было. Видно по людям, когда хотят разобраться, понять истину. А у нас просто зачитывали всё по бумажке.

— Ни у кого я не видел информации о том, что Валерий Саблин сказал в своём последнем слове. Ведь тогда он получил долгожданную возможность, пустяк и формальную, конечно, обратиться через суд ко всему обществу. Кроме вас теперь, наверное, осталось мало живых свидетелей этой речи. Вы помните, о чём он тогда говорил?

— Да, это было 13 июля, в день вынесения приговора. Точные формулировки стёрлись из памяти. Он обрзано говорил, что из-за того, что он много времени отдавал учёбе и часто сталкивался с чём-то негативным в нашем обществе, пружина в его голове постепенно скималась и в какой-то момент сорвалась и стала раскручиваться. Он считал высшую меру сверх суровым наказанием, говорил, что у него есть семья, несовершеннолетний сын, что он любит жизнь и мог бы ещё принести пользу людям. В самом конце добавил по поводу меня, что не стоит Шеина наказывать слишком строго, так как я вроде как был просто у него в подчинении.

Александр Шеин. 2020 год

Помню, когда после приговора нас привезли обратно в «Лефортово», разразилась страшная гроза, настоящий ураган. Сама атмосфера в тюрьме показалась чрезвычайно гнетущей. Даже контролёры были напуганы таким решением суда. А про ту грозу на следующий день в газете написали, что последний раз такое явление наблюдалось в Москве столетие назад. Сокамерник мой тогда подметил, что вот, мол, даже природа воспротивилась такому концу.